

УДК 316.752

UDC 316.752

ПРИМЕНЕНИЕ ФАМИЛИСТСКОГО И МОДЕРНИСТСКОГО ПОДХОДОВ ДЛЯ АНАЛИЗА ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ БЕЛОРУСОВ**APPLICATION OF FAMILIST AND MODERNIST APPROACHES FOR ANALYSIS OF TRANSFORMATION OF FAMILY VALUES OF BELARUSIANS****Е. К. Артёменко,***магістр сацыялагічных наук,
старшы прафесар кафедры
сацыяльнай камунікацыі БГУ***A. Artsiomenka,***Master of Sociology, Senior Teacher
of the Department of Social
Communication, BSU*

Поступила в редакцию 02.03.20.

Received on 02.03.20.

В статье ставится задача сравнить фамилистский и модернистский подходы в социологии семьи и оценить их потенциал для объяснения трансформации семейных ценностей белорусов. Для этого рассматривается стадийность изменения института семьи, механизмы изменения, а также роль ценностей в изменении института семьи в представлении фамилистов и модернистов. Результаты сравнения сопоставляются с динамикой рождаемости, брачности и разводимости в Беларуси, а также с изменениями семейных ценностей в белорусском обществе. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что семья изменяется, но высокая потребность в семье и детях в белорусском обществе сохраняются. Поэтому невозможно остановиться на фамилистском или модернистском подходе и целесообразно использовать наработки обоих для концептуализации происходящих изменений в системе семейных ценностей.

Ключевые слова: фамилизм, демографическая революция, трансформация семьи, семейные ценности.

The article sets the objective to compare familist and modernist approaches in the sociology of family and estimate their potential for explaining the transformation of family values of Belarusians. It considers the stagedness of changing the institute of family, mechanisms of changing and the role of values in changing the institute of family in the ideas of familists and modernists. The results of comparison are contrasted to dynamics of birth, marriage and divorces in Belarus as well as the changes of family values in Belarusian society. These data allow to conclude that family is changing but high need in family and children in Belarusian society is preserved. That is why it is impossible to decide in favor of familist or modernist approaches and it is rational to use the groundwork of both of them for conceptualization of the current changes in the system of family values.

Keywords: familism, demographic revolution, transformation of family, family values.

Введение. В настоящий момент институт семьи претерпевает существенные трансформации, это характерно и для постсоветского пространства, и для всех развитых стран мира. Беларусь не является исключением. В призме институциональных изменений семьи в настоящее время мы можем наблюдать такие тенденции, как снижение устойчивости брачных отношений, повышение возраста создания семьи, снижение рождаемости. Так, в Беларуси в 2018 г. число разводов достигло 54,6 % от числа заключенных браков, суммарный коэффициент рождаемости составил только 1,448 ребенка в среднем на одну женщину [1].

Параллельно с этим происходит трансформация системы ценностей в целом и ценностных установок в отношении семьи в частности. Однако изменения, которые происходят в семейных ценностях белорусов, нельзя назвать линейными и однозначными. По результатам глобальных лонгитюдных проектов по изучению ценностей European Value Study и World Value Survey (WVS/EVS) в ценностной системе белорусов, как и на всем постсоветском пространстве, наблюдаются черты традиционализации. В отношении к семейным ценностям это выражается в комбинации «традиционных норм высокой рождаемости» и «норм индивидуального выбора», включающих поддержку женского равноправия, повышение лояльности к абортam, разводам, гомосексуализ-

му и предполагающих ориентацию на свободу выбора предпочитаемой модели семьи и эгалитарные взгляды на распределение семейных ролей [2, с. 144].

Концептуализация происходящих изменений института семьи и прогноз будущего семьи как социального института являются предметом научного интереса многих социологов. В настоящий момент можно выделить две влиятельные школы в исследовании семьи и демографии, представленные в российской социологии. Первая – это школа, объединяющая сторонников концепции «демографического перехода» или «демографической революции», представленная такими исследователями, как А. Г. Вишневский, А. Г. Волоков, Е. М. Андреев, С. В. Захаров и др. Они видят положительные моменты в сокращении рождаемости, а современные изменения института семьи считают ее модернизацией («модернистский» подход). Вторая – парадигма «кризиса семьи», которой придерживаются такие социологи, как А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, В. А. Борисов, А. И. Кузьмин, В. М. Медков, А. Б. Синельников и др. («фамилистский» подход) [3, с. 5].

Задачей настоящей работы будет сравнение фамилистского и модернистского подходов в социологии семьи и оценка их потенциала для объяснения трансформации семейных ценностей белорусов. Семейные ценности в данной работе

мы будем понимать в широком смысле как систему социальных ожиданий и норм, потребностей, установок и, собственно, ценностных ориентаций по поводу брачных и родственных отношений.

Основная часть. Для сопоставления фамилистского и модернистского подходов мы сравним их по следующим параметрам. Во-первых, опишем, как фамилисты и модернисты видят исторический процесс изменения института семьи. Во-вторых, рассмотрим механизмы изменений института семьи и роль ценностей в этих изменениях.

Представители школы модернизма рассматривают институт семьи и его изменения как часть демографического поведения в целом: изменения семьи подчинены общим демографическим тенденциям и актуальным потребностям воспроизводства населения. Выделяя в рамках демографического поведения брачное, половое и репродуктивное, они видят эти формы поведения, в первую очередь, не основой семьи как социального института с его собственными задачами, а как самостоятельные ответы на вызовы демографической ситуации, подчиненные принципу гомеостаза – поддержания демографического равновесия в целом. «Основные черты рождаемости, смертности, а значит, и воспроизводства детерминированы объективными условиями демографического равновесия и демографическим механизмом, с помощью которого это равновесие поддерживается» [4, с. 40]. В зависимости от условий жизни и модели воспроизводства населения модернисты выделяют несколько исторических типов поддержания гомеостаза. Первый – архетип, характерный для периода до неолитической революции и присваивающей экономики, в котором из-за недостатка ресурсов люди часто сталкивались с необходимостью инфантицида, не имея возможности растить одновременно несколько маленьких детей. Второй тип – традиционный, предполагающий ориентацию на большое количество детей в интересах хозяйства, при этом в условиях высокой детской смертности, что требовало иметь 5–6 детей в семье. Третий тип – современный, развивающийся в условиях снижения детской смертности, от чего для сохранения равновесия требуется ограничение рождаемости посредством изменения брачного или репродуктивного поведения. Изменение брачного поведения в интересах снижения рождаемости проявилось в возникновении так называемой европейской брачности, повсеместно распространенной Западной Европе уже в XVIII в. Этот тип брачности характеризуется поздним вступлением в брак и сохранением большой доли женщин, вообще не выходящих замуж. «Еще в 30-е годы XX столетия в Западной Европе огромная доля женщин выходила замуж лишь после 25 и даже после 30 лет, а от 15 до 25 % всех женщин старших поколений оказывались вообще не вступившими в брак до конца репродуктивного периода» [4, с. 120]. Начиная с 30-х гг. XX в. возраст вступления в брак стал

снижаться, так как регулирование рождаемости посредством сокращения репродуктивного периода в браке сменилось изменением репродуктивного поведения – применением аборт и контрацепции. Современные изменения института семьи представители модернистского подхода рассматривают как последствия второй демографической революции или второго демографического перехода, считая продолжающееся снижение рождаемости даже после преодоления порога простого воспроизводства населения инерционным эффектом, не разделяя его на отдельные этапы, качественно отличающиеся друг от друга. В период написания рассматриваемых нами работ А. Г. Вишневого среди модернистов бытовало представление о том, что баланс восстановится и рождаемость повысится до уровня, по крайней мере, простого воспроизводства. Однако располагая последними данными о динамике населения в Западной Европе и на постсоветском пространстве, сложно рассчитывать на восстановление воспроизводства населения за счет естественного прироста, что является одним из оснований критики модернистской концепции со стороны фамилистов.

Фамилисты изучают семью в более широком контексте, чем модернисты. Этот контекст включает функции семьи, выходящие за пределы репродукции, к важным составляющим семейного образа жизни причисляют также экономическую и социализационную функции. Кроме того, кризис семьи включает и изменение структуры внутрисемейных отношений, и взаимодействие внутрисемейных структур с внешними институтами. А. И. Антонов пишет об «отпочковывании от семьи институтов образования, экономики, здравоохранения и раздроблении семейного единства МЫ на две части или, как правило, на две пары – супругов и детей. Выход на первый план супружества в сравнении с родительскими ролями, обособление этих семьеобразующих отношений условно представлено наряду с МЫ новых символов муж и жена. При этом ослабляется посредническая роль семьи, МЫ, и возникают прямые контакты индивидов, минуя семью – с внешними институтами» [5, с. 76]. Проследив историю семьи, они не говорят о дотрадиционных формах демографического поведения. Основные типы семейного уклада они характеризуют с точки зрения количества детей: многодетные (5 детей и более), среднететные (3–4 ребенка) и малодетные (1–2 ребенка) семьи. Хронологически их смена (на примере российского общества) укладывается в границы XIX–XX вв., при том они не разделяют нюансы регулирования рождаемости посредством изменения брачного поведения или репродуктивного поведения в отдельности. Процесс изменения института семьи с точки зрения внутренней структуры и положения в обществе фамилисты видят как деградацию. Впоследствии, по их мнению, если не применять кардинальных мер по изменению семейной политики и повышению значимости семьи для общества

в целом, семья как социальный институт может исчезнуть окончательно.

Итак, в изменении института семьи для модернистов на первое место выходят механизмы регуляции численности населения (и брачное поведение – это один из инструментов), при этом они рассматривают все возможные типы демографического равновесия на протяжении человеческой истории. Изменения института семьи на современном этапе ими рассматриваются как продолжающиеся последствия второй демографической революции, и даже после снижения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства можно ожидать восстановление баланса в будущем. Фамилисты, с другой стороны, учитывают изменения и внутрисемейных отношений, и взаимодействие семьи с внешними институтами. Они выделяют отдельные стадии трансформации семьи от многодетной к среднедетной и малодетной, однако рассматривают происходящие процессы только на протяжении XIX–XX вв., не помещая изменения брачного и репродуктивного поведения в более широкий контекст. Таким образом, они считают разложение семьи комплексным процессом, характерным для современного общества, не учитывая, например, того, что возраст вступления в брак в XX в. снижался, что выбивается из концепции кризиса семьи.

Каковы же ключевые механизмы происходящих изменений в институте семьи и какова роль ценностей в этих изменениях?

Для представителей модернистского подхода изменения демографического поведения происходят в ответ на демографическую ситуацию: снижение рождаемости является результатом снижения детской смертности благодаря экономическому развитию и научно-техническому прогрессу, а социально-культурные нормы занимают место передаточного механизма, регулирующего репродуктивное поведение в интересах гомеостаза. Про взаимодействие объективных условий и культурных норм в период первой демографической революции А. Г. Вишневский пишет: «В новых условиях женщина уже может не убивать каждого второго из родившихся у нее детей, но может и убивать, повинясь древнему обычаю. Поэтому изменений только в объективных условиях демографического равновесия недостаточно. Надо, чтобы утратили силу и уступили место новым старые культурные нормы, которые приводили поведение людей в соответствие со старыми условиями демографического равновесия» [4, с. 29]. Примером регулирования посредством социально-культурных норм в ответ на изменение объективных условий является изменение установок относительно возраста вступления в брак (в рамках феномена «европейской» брачности). Это также касается норм и ожиданий в отношении количества детей. Так, помимо изменения брачного поведения, рождаемость может регулироваться применением контрацепции, что характерно для западного

общества и постсоветского пространства начиная с середины XX в.

Развитие капиталистического общества значительное влияние оказывает на многообразие выбора поведения и развитие потребностей людей. «Развитие капитализма ... породило огромное многообразие и доступность материальных и культурных благ, ранее неизвестных или мало кому доступных, что вело, в свою очередь, к непрерывному возникновению и развитию разносторонних потребностей, которых люди не знали раньше, и в значительной степени делало эти потребности удовлетворимыми» [4, с. 38]. Возможности, предоставляемые повышением благосостояния, появлением свободного времени и распространением гендерного равенства, дают поле для возникновения новых потребностей в саморазвитии и самоактуализации. Однако это не ведет к отказу от выбора в пользу рождения детей. А. Г. Вишневский пишет: «Наряду с потребностями в различных материальных благах, образовании, досуге и т. п. должна получить развитие и специфическая прокреационная потребность, которая вовсе не существовала прежде или существовала в неразвитом виде. Эта потребность должна приобрести мотивационную силу, достаточную для того, чтобы сделать прокреационное поведение человека – в той мере, в которой оно диктуется сохраняющейся демографической необходимостью, – гомеостатичным, устойчивым, слабо зависящим от конкуренции других потребностей» [6, с. 186].

Механизмы происходящих изменений в институте семьи с точки зрения фамилистского подхода коренятся не в поддержании гомеостаза, а непосредственно связаны с изменением общественного уклада и социальных норм. Трансформация норм изображается как стихийный процесс, объединяющий и брачное, и сексуальное, и репродуктивное поведение. Так, в изображении А. И. Антонова «разрушение системы норм многодетности» после «отмирания норм многодетности, исторического ослабления потребности в детях и усиления ограничения рождаемости, сокращения репродуктивного периода в браке» через «отсутствие в обществе сил самоорганизацию и спонтанного противодействия развалу норм детности, стихийное возникновение норм малодетности и бездетности» приводит как к общему итогу, к «депопуляции, росту разводимости, сожительства, матерей-одиночек, неполных семей, депривации детей и беспризорности» [5, с. 78]. Трансформация социальных норм как элемента системы ценностей является не опосредующим механизмом, как у модернистов, а ключевым источником изменения института семьи, на него возлагается основная ответственность за эти изменения. Что касается потребности в детях, фамилисты считают, что она постепенно отмирает вместе с разложением семейных отношений. Изменения в системе семейных ценностей, как и происходящие на этом фоне трансформации института семьи, воспринимаются

фамилистами очень негативно: «Вслед за демографом А. И. Борисовым можно признать, что эти остатки деградации расширенной семьи свидетельствуют об отмирании семьи вообще, а не только семьи многодетной или же, как еще говорят, «традиционной» [5, с. 79].

Итак, если говорить о механизмах изменения института семьи, система ценностей играет значительную роль и для модернистов, и для фамилистов, однако видение ее вклада в изменения различаются. Для модернистов изменение системы семейных ценностей является передаточным механизмом между необходимостью демографического гомеостаза и индивидуальным поведением. Для фамилистов же в изменении системы ценностей, которое не поддается логике индивидуального и общественного интереса и является стихийным, находится корень трансформации института семьи. Если модернисты при возникновении множества индивидуальных потребностей, конкурирующих с интересами семьи, отмечают и возникновение прокреационной потребности, которая уравнивает эгоистические стремления индивидов, то фамилисты не рассчитывают на возможное равновесие и говорят о постепенном полном исчезновении потребности в том, чтобы иметь семью и детей.

Чтобы оценить объяснительные возможности обоих подходов для происходящего в современном белорусском обществе, мы рассмотрим динамику основных показателей, важных с точки зрения институциональных изменений в семье (суммарного коэффициента рождаемости, среднего возраста появления первого ребенка, а также коэффициентов брачности и разводимости), а также динамику семейных ценностей по данным исследования WVS/EVS в Беларуси.

Если говорить о суммарном коэффициенте рождаемости (таблица), по данным, доступным с 1960 г., видно, что в течение 70-х гг. происходят значительные изменения. Если в 1960 г. мы видим преобладание среднететных семей (в среднем, 2,8 детей на одну женщину), то в 1980 г. можно говорить о перевесе в пользу малодетных (2,0 детей на одну женщину, в среднем). Далее суммарный коэффициент рождаемости продолжил падать до середины 2000-х гг., достигнув уровня 1,3 детей на одну женщину в 2005 г. Но потом начал расти, выйдя на уровень 1,7 в 2016 г. Таким образом, мы видим, что преобладание малодетной семьи с одним или двумя детьми закрепилось, однако увеличение коэффициента в 2010-х гг. не позволяет сделать вывод об исчезновении потребности в детях с 22,9 лет до 26,7 лет в 2018 г.

Таким образом, мы можем говорить о том, что модель поведения, установки и социальные ожидания в отношении создания семьи и рождения детей меняются, но отказа от семьи не происходит. Такие же выводы можно сделать, если

посмотреть на статистику брачности. На протяжении рассматриваемого периода с 1960 г. уровень брачности колеблется в пределах от 6 браков до 11 браков на 1000 населения. Причем колебания эти вызваны скорее возрастной структурой населения и традицией не заключать браки в високосный год (отсюда снижение показателя в 2000 г., 2008 г., 2016 г.), чем долгосрочной тенденцией. Так, например, в 2013 г. мы видим коэффициент брачности (9,2), сопоставимый с уровнем 1970 г. (9,3). Сохранение высокого уровня брачности говорит о сохранении интереса к созданию семьи и не позволяет согласиться с выводом о деградации потребности в семье в целом. Однако, с другой стороны, с 1970-х гг. мы видим переход к модели семьи, когда брак становится менее устойчивым и коэффициент разводимости растет с 0,7 разводов в 1960 г. до 3–4 разводов на 1000 населения в 1980-х гг. и далее.

Если обратиться к данным о динамике семейных ценностей, также можно увидеть сохранение интереса к семье. Начиная с 2000 г. среди белорусов повышается восприятие семьи как ценности. Среди других ценностей (работа, религия, политика и т. д.) семья продолжает занимать доминирующую позицию, а доля тех, кто утверждает, что семья «очень важна», увеличивается с 78,5 % в 2000 г. до 89,4 % в 2017 г. [7, с. 54].

Помимо декларируемой важности семьи, мы можем говорить и о сохранении высокой потребности в детях. Это подтверждают выводы белорусских социологов по результатам исследования WVS/EVS в 2008 г. Для понимания того, какое место белорусы со своими установками в отношении семьи занимают среди других европейских стран, был проведен кластерный анализ по основным составляющим системы семейных ценностей. В результате Беларусь попала в группу стран с «высоким значением пронаталистской компоненты при наименьших для всех стран показателях ценности супружеской семьи и матримонильного традиционализма» [8, с. 79]. Последние результаты исследования за 2017 г. подтверждают сделанный ранее вывод. Доля тех, кто считает детей необходимыми для счастливого брака, остается на высоком уровне (76,4 % в 2000 г., 78,7 % в 2017 г.). Однако при этом в 2017 г. она уступает первое место среди остальных факторов верности (ее важность возрастает с 69,5 % в 2000 г. до 86,4 % в 2017 г.) [7, с. 56]. Преобладание важности верности над значимостью детей для счастливого брака указывает на изменения системы внутрисемейных отношений, в частности, повышение значения супружества по сравнению с родительством, о которых пишет А. И. Антонов. Таким образом, в изменении системы семейных ценностей мы видим подтверждение и отдельных идей фамилистов, и отдельных идей модернистов.

Таблица – Рождаемость, брачность и разводимость[1]

	1960	1970	1980	1990	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Суммарный коэффициент рождаемости	2,8	2,3	2,0	1,9	1,3	1,3	1,3	1,4	1,5	1,5	1,5	1,5	1,6	1,7	1,7	1,7	1,7	1,5	1,4
Браков на 1000 населения	11	9,3	10,1	9,7	6,3	7,6	8,2	9,5	8,1	8,3	8,1	9,2	8,1	9,2	8,9	8,6	6,8	7	6,4
Разводов на 1000 населения	0,7	1,9	3,2	3,4	4,4	3,2	3,3	3,8	3,8	3,7	3,9	4,1	4,1	3,8	3,7	3,5	3,4	3,4	3,5

Заклучение. Подводя итог о применимости концепций фамилистов и модернистов к изменению семьи как социального института в белорусском обществе, можно отметить следующее: и данные статистики, и результаты исследования изменения ценностей белорусов говорят нам о том, что семья действительно меняется. Если говорить о стадиальности этих изменений, с одной стороны, мы видим качественный переход от среднедетной к малодетной семье (которая при этом является значительно менее устойчивой, так как мы видим вместе со снижением рождаемости значительное повышение уровня разводимости в этот период), о котором говорят фамилисты. Также мы можем согласиться с критикой модернистской концепции со стороны фамилистов относительно того, что пока не наблюдается перспектив восстановления рождаемости до уровня простого воспроизводства, чтобы поддерживать демографический баланс, и перспективы для такого восстановления кажутся очень ограниченными. С другой стороны, рассмотренные данные не позволяют согласиться с утверждением фамилистов о том, что деградация семейных отношений имеет общий комплексный характер. Мы видим, что, несмотря на рост разводимости, сохраняется высокий уровень брачности. То есть с точки зрения стадиальности можно отметить качественные изменения института семьи, описываемые фамилистами в терминах перехода к малодетной семье, но не концептуализованных в модернистском подходе. Но также мы видим разнонаправленные тенденции (снижение рождаемости и рост разводимости, с одной стороны, и сохранение высокого уровня брачности – с другой), что говорит об ограничениях фамилистского подхода к комплексным изменениям института семьи и необходимости отдельного рассмотрения репродуктивного и брачного поведения, как это делают модернисты.

Если говорить о механизмах трансформации семьи и роли ценностей в процессе трансформации, повышение значимости семьи и детей не позволяет согласиться с фамилистами в том, что институциональные изменения семьи происходят в результате стихийной комплексной трансформации социальных норм и деградации потребности в семье в целом. В данных исследованиях семейных ценностей белорусов также находит подтверждение идея модернистов о том, что среди многообразия потребностей современного человека появляется и укрепляется отдельная прокреационная потребность – потребность в детях. Однако она не позволяет достигнуть уровня рождаемости, соответствующего простому воспроизводству населения, поэтому можно согласиться с обеспокоенностью фамилистов в отношении будущей демографической ситуации.

Таким образом, глубокое понимание изменения системы семейных ценностей белорусов требует привлечения концепций, разработанных и в рамках фамилистской школы, и в рамках школы модернистов, так как, с одной стороны, ни одна из приведенных концепций не способна описать все происходящие трансформации, но, с другой – отдельные их идеи можно продуктивно использовать для понимания происходящих изменений. Мы видим, что действительно изменяется модель семьи, семья теряет устойчивость, но интерес к ней, высокая потребность в семье и детях в белорусском обществе сохраняются. Это не позволяет нам остановиться ни на фамилистском, ни на модернистском подходе к пониманию института семьи, поэтому целесообразно использовать наработки обоих для концептуализации происходящих изменений в системе семейных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; ред. И. В. Медведева. – Минск, 2019. – 429 с.
2. Инглхарт, Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Р. Инглхарт. – М. : Мысль, 2018. – 347 с.
3. Синельников, А. Б. Трансформация семьи и развитие общества / А. Б. Синельников. – М. : КДУ, 2008. – 320 с.

REFERENCES

1. Demograficheskiy ezhegodnik Respubliki Belarus' / Nacional'nyj statisticheskiy komitet Respubliki Belarus' ; red. I. V. Medvedeva. – Minsk, 2019. – 429 s.
2. Inghart, R. Kul'turnaya evolyuciya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivacii i kak eto menyaet mir / R. Inghart. – M. : Mysl', 2018. – 347 s.
3. Sinel'nikov, A. B. Transformaciya sem'i i razvitie obshchestva / A. B. Sinel'nikov. – M. : KDU, 2008. – 320 s.

4. Вишнеvский, А. Г. Демографическая революция / А. Г. Вишнеvский Избранные демографические труды. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история. – М. : Наука, 2005. – с. 3–214.
5. Антонов, А. И. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции / А. И. Антонов, С. А. Сорокин. – М. : Издательский Дом «Грааль», 2000. – 416 с.
6. Вишнеvский, А. Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее / А. Г. Вишнеvский. – М. : Финансы и статистика, 1982. – 287 с.
7. Артёменко, Е. К. Трансформация семейных ценностей белорусов в региональном контексте / Е. К. Артёменко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019. – № 3. – С. 51–58.
8. Ценностный мир современного человека: страны Восточного партнерства, Европейский союз и Россия в международных проектах по изучению ценностей / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, В. В. Правдивца, Д. Г. Ротмана. – Минск : БГУ, 2016. – 219 с.
4. *Vishnevskij, A. G. Demograficheskaya revolyuciya / A. G. Vishnevskij Izbrannye demograficheskie trudy. T. 1. Demograficheskaya teoriya i demograficheskaya istoriya. – M. : Nauka, 2005. – s. 3–214.*
5. *Antonov, A. I. Sud'ba sem'i v Rossii XXI veka. Razmyshleniya o semejnoy politike, o vozmozhnosti protivodejstviya upadku sem'i i depopulyacii / A. I. Antonov, S. A. Sorokin. – M. : Izdatel'skij Dom «Graal'», 2000. – 416 s.*
6. *Vishnevskij, A. G. Vosproizvodstvo naseleniya i obshchestvo: Istoriya, sovremennost', vzglyad v budushchee / A. G. Vishnevskij. – M. : Finansy i statistika, 1982. – 287 s.*
7. *Artyomenko, E. K. Transformaciya semejnyh cennostej belorusov v regional'nom kontekste / E. K. Artyomenko // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. – 2019. – № 3. – S. 51–58.*
8. *Cennostnyj mir sovremennogo cheloveka: strany Vostochnogo partnerstva, Evropejskij soyuz i Rossiya v mezhdunarodnyh proektah po izucheniyu cennostej / D. G. Rotman [i dr.] ; pod red. D. M. Bulynko, A. N. Danilova, V. V. Pravdivca, D. G. Rotmana. – Minsk : BGU, 2016. – 219 s.*